

**ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ БОНЧ-БРУЕВИЧ**  
(1873—1955)

14 июля 1955 г. на 83-м году жизни скончался выдающийся деятель советской науки Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич — доктор исторических наук, этнограф, историк и литератор. Старейший деятель Коммунистической партии, он работал много лет вместе с Лениным, был первым Управляющим Делами Совета Народных Комиссаров (1917—1920) и в дальнейшем занимал ответственные должности, главным образом в области советской культуры.

С молодых лет В. Д. Бонч-Бруевич — активный участник революционного движения. За участие в студенческих волнениях он был в 1889 г. исключен из Константиновского межевого института и послан в Курск. С 1892 г., вернувшись в Москву, он работал в нелегальных кружках народовольческого направления, главным образом организуя подпольные типографии, распространяя получаемые из-за границы социал-демократические издания. С 1896 г. Владимир Дмитриевич — за границей, а с 1897 г. — на положении политического эмигранта. В эмиграции он сблизился с группой «Освобождение труда», позже вошел в организацию «Искры» и после раскола партии примкнул к большевикам.

По совету товарищей по партии Владимир Дмитриевич занялся изучением массовых крестьянских движений. Особенно заинтересовали его «общественно-религиозные движения» — сектантство и старообрядчество. Сектантские движения стали в дальнейшем областью его специальных интересов. В реферате, прочитанном в 1899 г. в марксистском кружке в Цюрихе, он попытался поставить изучение этих движений «на социально-политическую базу России того времени», как он позже писал в своей автобиографии, и корни их усматривал «в глубоких социальных, экономических и политических противоречиях и отношениях царской России». Такой взгляд встретил одобрение Плеханова и других марксистов, по поручению которых он продолжил и углубил изучение сектантства.

Он стал искать непосредственных связей с сектантами, стремясь получить от них материал (устный и письменный) об их движении. Именно в то время происходило переселение преследовавшихся царской администрацией духоборов в Канаду. Владимир Дмитриевич вызвался сопровождать четвертую партию духоборов-переселенцев (свыше 2 тысяч человек). Он пробыл с духоборами с мая 1899 г. по январь 1900 г., помогал их расселению в северо-западной части Канады, защищал их от полицейских придирок канадских властей. Все это время Владимир Дмитриевич неустанно собирал материалы тайной устной поэзии духоборов и записал так называемую «Животную книгу». Он получал интересовавшие его сведения не только от духоборов из опекаемой им партии, но и посещая селения духоборов, приехавших в Канаду ранее, а также вступив в переписку с духоборами Закавказья.

Чтобы расширить изучение русского сектантства и привлечь к этому делу внимание прогрессивной общественности, Владимир Дмитриевич стал распространять специальные программы и листки-обращения. За 1906—1917 гг. вышло 7 изданий «Программы для собирания сведений по исследованию и изучению религиозно-общественных движений в России (православие, сектантство, старообрядчество и пр.)». Программа была задумана очень широко — имелось в виду систематическое изучение не только религиозно-обрядовой стороны жизни сектантов, но и всех сторон их быта. Владимир Дмитриевич указывал в своей программе, что «желательно особенно полное описание всей хозяйственной жизни», «всего хозяйственного устройства, владения земли, всякого инвентаря и прочее тому подобное, а также чем по преимуществу занимаются. Работают ли только сами или при помощи наемных рабочих? Ходят ли сами на отхожие промыслы?». Такие вопросы программы подводили исследователя к пониманию социальной структуры сектантских общин, классового расслоения в них, отношения к окружающему несектантскому населению.

Еще находясь в эмиграции, Владимир Дмитриевич начал систематически публиковать собранные им материалы по сектантству. Совместно с В. Г. и А. К. Чертковыми он стал издавать в Лондоне «Материалы к истории и изучению русского сектантства»



(вып. 1—7, Лондон, 1901—1902). Впрочем, уже после первых выпусков «Материалов» обнаружилась непримиримая противоположность взглядов Чертковых, с одной стороны, Бонч-Бруевича, — с другой: тех интересовала исключительно религиозно-нравственная сторона сектанства, а Владимир Дмитриевич видел в нем прежде всего выражение стихийного крестьянского протеста против классового гнета. Чертковы продолжали издание без Бонч-Бруевича, хотя печатали материалы, собранные им. Вернувшись в 1907 г. в Россию, Владимир Дмитриевич самостоятельно продолжал издание «Материалов», но уже не в виде выпусков-брошюр, а как серию капитальных томов с солидным научным аппаратом, примечаниями, указателями, вводными статьями и пр. С 1908 по 1916 г. вышло 6 томов «Материалов к истории и изучению русского сектанства и раскола» (с 3-го выпуска вместо «раскола» в заглавии стоит «старообрядчества»; 6-й выпуск вышел под названием «Материалы к изучению религиозно-общественных движений в России»). Несколько выпусков остались неопубликованными.

На базе собранных Владимиром Дмитриевичем материалов и по его инициативе был создан в 1907 г. Сектантский отдел рукописного отдела библиотеки Академии наук; в 1909—1912 гг., по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук, он совершил поездки на юг России (в Кубанскую и Терскую области, в Закавказье и другие места) для изучения на местах быта и творчества сектантского населения.

Свою научно-исследовательскую работу Владимир Дмитриевич никогда не открывал от практических задач. Будучи атеистом, врагом всяких суеверий, он в то же время энергично защищал тех, кто страдал от религиозных преследований, которые в царской России были обычным делом. Он печатал в прогрессивной прессе статьи о преследованиях сектантов, многократно выступал экспертом в их судебных процессах, писал корреспонденции из зала суда и пр. Защищая сектантов от судебных преследований, он оставался в стороне и от движения протеста русской прогрессивной общественности против позорных преследований евреев. Во время пресловутого «дела Бейлиса» он напечатал в различных периодических изданиях до 25 статей, где опровергал черносотенные сплетни о «ритуальных убийствах» и пр., — статьи эти вышли потом отдельной книгой «Знамение времени» (М., 1914).

Однако Владимир Дмитриевич всегда умел отличать неосознанный социальный протест угнетенных народных масс, выражавшийся в религиозной форме, от реакционной политики сектантских главарей и реакционной деятельности духовенства. Еще в эмиграции им был написан ряд антирелигиозных статей (например, «Боги, изготовленные дешевым фабричным способом», журнал «Свободная мысль» Женева, 1900, № 11) и составлен сборник «Из жизни духовенства» (изд. «Жизнь», 1902). После революции он пишет разоблачительные статьи и брошюры против церковных и сектантских реакционных руководителей («Живая церковь и пролетариат», М., 1922; «Кривое зеркало сектантства», М., 1922).

В первые годы советской власти Владимир Дмитриевич был целиком поглощен работой в Литературном музее и советской работой, но в дальнейшем он вновь все более активно привлекается в научно-литературную деятельность. В 1932 г. он приступает к организации Литературного музея и на протяжении многих лет руководит им. В этом музее, помимо огромного количества историко-литературных материалов, он собрал очень много рукописей с фольклорными текстами и этнографическими записями. Фольклорный отдел Литературного музея стал, благодаря энергичной деятельности Владимира Дмитриевича и его сотрудников, крупнейшим в стране центром хранения памятников русского устного народного творчества. В числе этих материалов имеются рукописи ученых-собираателей XIX и начала XX в., — собрание сказок Калинникова, неопубликованные записи былин А. В. Маркова, монографическое собрание фольклора Приангарья полководца Савельева, научный архив братьев Б. и Ю. Соколовых и многое другое. В архив Фольклорного отдела вошли переданные в Музей огромные фонды архив экспедиций, посылавшихся в 1930-х годах редакцией «Две пятилетки» для изучения творчества народов СССР, архив экспедиций Московского отделения Гос. академии истории материальной культуры. Отдельные специальные экспедиции для собирания фольклорно-этнографического материала посылались и самим Литературным музеем. Результатом этих экспедиций были фольклорные издания, как два тома «Былин М. С. Крюковой» (в серии «Летописи Государственного Литературного музея», 1939, 1941), «Сказки И. Ф. Ковалева» (1941), «Рыбацкие песни и сказы» (1950). Под общей редакцией Владимира Дмитриевича вышли также «Онежские былины» (1948), собранные экспедицией братьев Соколовых в 1926—1928 гг. Отдельные фольклорные тексты редактировались и издавались В. Д. Бонч-Бруевичем в сборниках «Звенья» (8 выпусков). Большое влияние на работу советских фольклористов оказали сообщения В. Д. Бонч-Бруевичем высказывания В. И. Ленина об устном народном творчестве. В последний год своей жизни Владимир Дмитриевич опубликовал большую статью «В. И. Ленин об устном народном творчестве» (журн. «Советская этнография», 1954, № 4).

Руководя огромной литературно-издательской и фольклорно-собирательской деятельностью Литературного музея, Владимир Дмитриевич не оставлял и своих прежних интересов в области изучения религии. Он участвовал в литературной научно-атеистической пропаганде. С 1946 г. он целиком переходит на работу по изучению религии и атеизма, возглавляя соответствующий сектор в Институте истории АН СССР и Музее истории религии и атеизма (в Ленинграде). С 1954 г. он — председатель Координа-

ционной комиссии по вопросам организации научно-атеистической пропаганды при Президиуме АН СССР. За последние годы под его редакцией изданы два выпуска «Вопросов истории религии и атеизма» (М., 1950 и 1954) и подготовлены к изданию следующие два выпуска, а также составлен общий план издания серии классической мировой атеистической литературы. Вплоть до последних дней своей жизни, тяжело больной, Владимир Дмитриевич продолжал неустанно работать.

Научное наследство В. Д. Бонч-Бруевича состоит не только из множества книг и других изданий, составленных им или под его редакцией. Помимо этого, в его личном научном архиве хранится большое количество неизданных рукописей; огромная, почти исчерпывающая, библиографическая картотека по изучению сектантства, список лиц, подвергавшихся преследованиям за религиозные убеждения в царской России (ок. 5000 карточек), и пр.

Владимир Дмитриевич заботливо растил молодые научные кадры, воспитывая в своих сотрудниках большую научную принципиальность, требовательность, умение не гнушаться черновой работой в науке и издательском деле. Он умел привлекать к работе и старых специалистов. Необычайно отзывчив был он также и ко всем нуждам их личной жизни, стремясь помочь им чем мог, не жалея на это своего времени и сил.

Навсегда останется у советских людей светлая память о Владимире Дмитриевиче Бонч-Бруевиче — крупном ученом, чутком и отзывчивом друге и товарище, пламенном коммунисте-революционере.

*Р. Линец, С. Токарев*